
СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ТОПОГРАФИИ ДРЕВНЕРУССКОГО БЕРЕСТЬЯ¹

Виталий Козюба

Летописный город Берестье, после проведенных в нем П.Ф. Лысенко в 1969-1981 гг. раскопок, стал, без преувеличения, жемчужиной средневековой археологии Восточной Европы. Благодаря хорошей сохранности органических остатков на памятнике удалось получить уникальную информацию о жизни и быте этого волостного центра Волынского княжества в XII-XIV вв. Результаты масштабного и кропотливого труда известного белорусского исследователя по изучению топографии, застройки, материальной культуры жителей Берестья представлены в монографии „Берестье”, вышедшей в 1985 г. (Лысенко 1985). По некоторым позициям находки из Берестья превосходили (количественно и качественно) аналогичные материалы из Новгорода – признанного лидера археологического изучения материальной культуры средневековых городов Руси.¹

П.Ф. Лысенко, основываясь на результатах своих раскопок и анализе картографических материалов XVII-XVIII вв., предложил реконструкцию топографии древнего Берестья. Согласно ей, древнерусский город Берестье располагался при впадении р. Мухавец в Западный Буг. При этом детинец города находился на левом (южном) берегу левого рукава Мухавца и занимал мыс треугольной формы, западная сторона которого выходила на Буг, а северная – к Мухавцу. Южная и юго-восточная стороны мыса ограничивались дугообразным рвом, защищавшим детинец с напольной стороны (рис. 1). Площадь детинца составляла около 1 га, а въезд в него, скорее всего, находился с юго-восточной стороны (Лысенко 1985, 36, 386). Именно эту часть города активно исследовал П.Ф. Лысенко, а над его раско-

пами расположен павильон археологического музея «Берестье». По письменным и картографическим источникам XVI-XVII вв. здесь в период Великого княжества Литовского (далее – ВКЛ) существовал замок, на месте которого при строительстве Брестской крепости в XIX в. был возведен пятиугольный редюит, входивший в систему Волынского укрепления крепости и располагавшийся на Госпитальном острове.

Посад древнерусского Берестья находился напротив детинца, к северу от него, на острове, образованном левым и правым рукавами Мухавца при впадении последнего в Буг. Площадь окольного города заметно превышала площадь детинца. В период ВКЛ и позднее на острове размещалась основная часть города, а при строительстве Брестской крепости на этом Центральном острове была сооружена цитадель.

Эта схема исторической топографии Берестья, предложенная авторитетным исследователем, стала общепринятой и активно используется как в специальной, так и популярной литературе (Археологія 1993, 98; Карабушкіна 1999, 59). Вместе с тем существует ряд вопросов по древнейшей истории Берестья, которые нуждаются в уточнении, а возможно, и в частичном их пересмотре.

I. Место расположения детинца Берестья

Еще в XIX в. ориентиром для размещения летописного Берестья исследователям служило месторасположение его позднесредневекового замка. Поэтому на картах территории Руси того времени город обозначали на южном, левом берегу Мухавца при впадении того в Буг (Грушевський 1905, 600-601, карта). По мнению П.А. Раппопорта, древний детинец Берестья располагался на мысу, расположен-

---

¹ Автор выражает большую признательность исследователям прошлого Берестья – А.Д. Никитчику, И.Б. Лавровской, Д.В. Турчяняку и А. Божкову за консультации и оказанное внимание к предложенной работе.

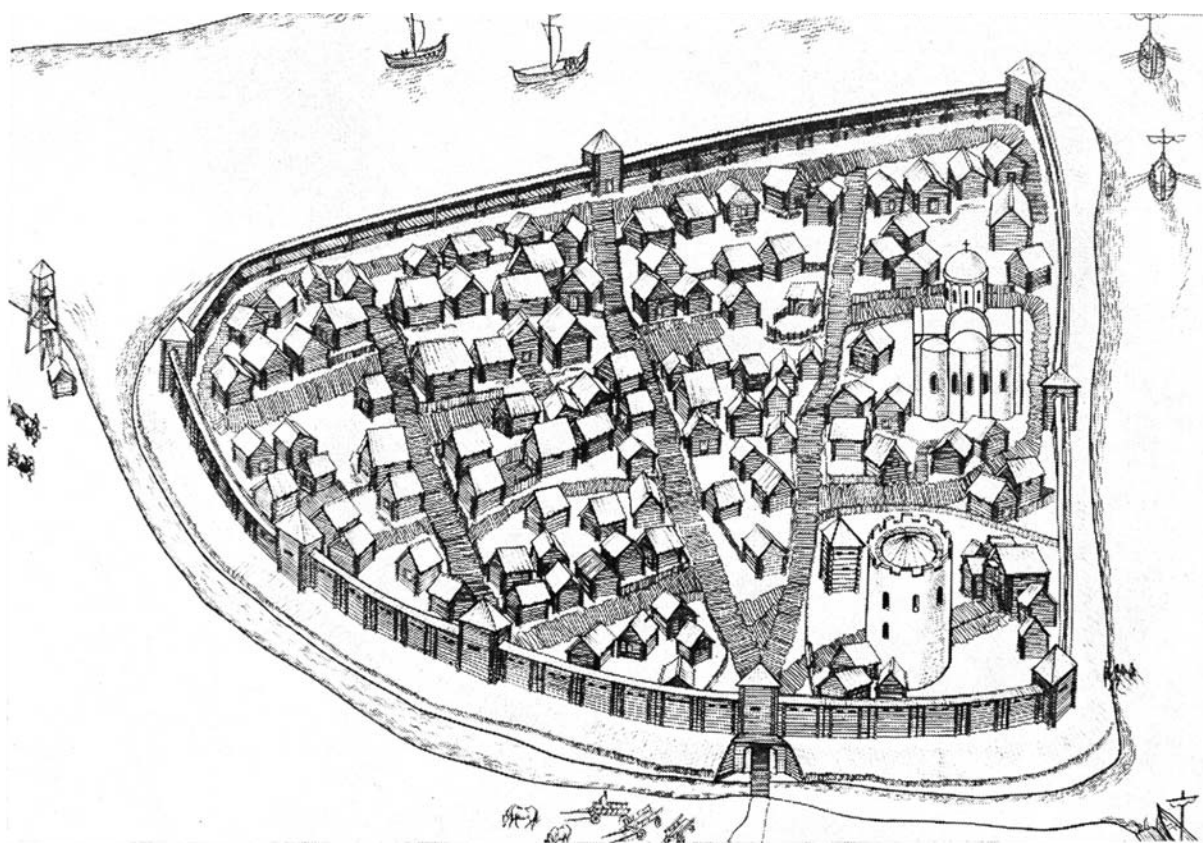

Рис. 1. Детинец древнего Берестя (реконструкция П.Ф. Лысенко).

ном при слиянии названных рек, и после строительства Брестской крепости оказался на территории Волынского форштадта (Раппопорт 1967, 42). Раскопки П.Ф. Лысенко конца 60-70-х гг. XX в. подтвердили эту локализацию. В последнее время несколькими белорусскими исследователями была высказана мысль, что раскопанный П.Ф. Лысенко широкой площадью участок древнерусского Берестя принадлежит не его детинцу, а является составной частью окольного города. При этом среди аргументов за пересмотр устоявшейся точки зрения называют (или могут назвать): очень высокую плотность застройки; не «элитарный» характер объектов и находок; расположение на топком, болотистом, низменном месте; находку древнейших материалов на Центральном острове. Рассмотрим, насколько весомы эти аргументы.

Действительно, плотность застройки южной части Берестя чрезвычайно высока, если сравнивать ее с усадьбами Новгорода и Киева. Но подобная плотность застройки известна, например, в Изборске. Высокая плотность

застройки свидетельствует скорее в пользу расположения ее в детинце, чем в окольном городе. В городах Древней Руси, как правило, застройка детинцев была более плотной, чем в других частях этих городов, и это было связано с безопасностью, престижностью и, возможно, другими (лучшая санитария) обстоятельствами.

До начала масштабных раскопок древнерусских городов во второй половине XX в. считалось, что детинцы были исключительно элитарными районами городов, где размещались княжеские и боярские дворы и где жила социальная верхушка общества. Археологические исследования показали, что рядом с богатыми усадьбами в центре средневековых городов располагались жилища рядового городского населения, а также ремесленные мастерские (Раппопорт 1967, 187). Например, в Киеве в древнейшей части Верхнего города в разные годы найдены ювелирные, косторезная, стеклоделательная мастерские и несколько горнов (Кириличев 1982, 168-170). Массовые находки в Берестье орудий уборки урожая и

его переработки (Лысенко 1985, 343-360) подтверждают сделанный исследователями ранее вывод о тесной связи средневековых городов с их сельской округой (Куза 1989, 130-131; Толочко 1989, 79-99).

Раскопки пригорода летописного Звенигорода (Галицкое княжество), осуществленные К.И. Свешниковым в 1982-1991 гг., показали, что в городских кварталах за пределами укреплений уровень материальной культуры ничем не отличался от центральных частей исследованных городов. Находки художественных изделий и украшений из золота, серебра, янтаря, многочисленной стеклянной посуды, берестяных грамот и других эпиграфических памятников в Звенигороде подтверждают это наблюдение. Важно отметить, что часто элитарным индикатором детинцев городов являются клады. Их отсутствие при раскопках Берестья свидетельствует только об одном – в истории города в XII-XIV вв. не существовало обстоятельств, которые привели бы к сокрытию кладов.

Расположение детинца Берестья в низменном месте, с постоянной угрозой подтопления в половодье, очевидно, действительно создавало, особенно на ранней стадии существования города, некоторые неудобства. Но культурный слой, благодаря сохранению органики, достаточно быстро наращивался, и детинец постепенно поднимался над поймой. Кроме того, топографические условия расположения окольного города на соседнем острове ничем принципиально не отличались от детинца.

В 2006 г. на Центральном острове, на территории окольного города древнерусского Берестья, при земляных работах был найден объект с печью и керамикой, датированный П.Ф. Лысенко второй половиной X в. Поскольку на детинце при раскопках до материка было исследовано 528 м², т.е. более четверти всей раскопанной площади, и при этом не обнаружено материалов ранее первой половины XI в., возникло сомнение в правильности локализации детинца Берестья на месте позднесредневекового замка города. Оно было бы справедливым, если бы топографическая эволюция Берестья развивалась в рамках схемы:

1. Древнейшее городище;
2. Городище + открытый посад;
3. Детинец + окольный город.

Эта схема является наиболее типичной, но не единственной для пространственного развития городов Руси. В Киеве начало города связывают с городищем на Замковой горе, а его дальнейшее развитие происходило на соседней Старокиевской горе. Перемещение центра города также известно на материалах столицы древлян Искоростеня, где после уничтожения княгиней Ольгой в 945 г. городища № 1 новый центр города позднее формируется на месте городища № 3 (Звіздецький 2008, 7-12). Вполне возможно, что история Берестья началась с открытого сельского поселения на Центральном острове, которое могло занимать значительную или даже всю (более 20 га) его площадь. По статистике, сельские поселения, появившиеся в IX-X вв., были по площади значительно крупнее (иногда на порядок), чем возникшие в XII-XIII вв., что подтверждается материалами из зоны Полесья как Западной Беларуси, так и Левобережной Украины (Лысенко 1999, 77; Шекун, Веремейчик 1988, 96-98). Таким образом, схема, по которой поселение на Центральном острове возникло в X в., а городище на южном берегу Мухавца – на рубеже X-XI или в первые десятилетия XI в., не противоречит известным на сегодня археологическим материалам.

Не исключено даже, что укрепление XI в. было очень простым (небольшой вал, частокол), ведь его изолированность на острове (о чем далее) максимально использовала природные рубежи. Более мощные укрепления могли появиться в XII и даже XIII вв. (эпизод с Владимиром Васильковичем, который «зруби Берестїи» – Ипатьевская 2001, стлб. 925). Подобные серьезные подновления старых укреплений или даже строительство новых внутри существующих известны на примере других городов, например, Владимира на Клязьме, когда в 1192 г. Всеволод Юрьевич «заложил дѣтинѣць» (Ипатьевская 2001, стлб. 673).

В защиту локализации детинца Берестья на месте замка можно привести еще несколько соображений. Площадь детинца многократно (примерно в 20 раз) уступала окольному городу на месте цитадели XIX в., и это неравенство является характерным для летописных городов Руси. Например, площадь детинца столицы Волынского княжества Владимира состав-

ляла 1,5 га, а его окольного города – около 40 га, что в 26 раз больше. Кроме того, противникам рассматриваемой локализации детинца нужно либо обосновать тезис, что город вообще не был двухчастным (детинец + окольный город), а состоял из единого укрепления, либо предложить свою локализацию детинца, которая бы опиралась на археологический материал. При этом, вероятно, потребуется еще и объяснить когда, каким образом и почему в Берестье на новом месте возник замок, известный по описаниям и планам XVI-XVII вв.

Очень важен еще один момент. В истории Берестья XIII-XVI вв., которая относительно полно, по сравнению с другими городами, освещена в письменных источниках, не говоря уже об археологических материалах, не зафиксировано событий, которые бы кардинально повлияли на топографию центральной части города и привели бы к радикальному реформатированию его планировки. Очевидно, подобных катастрофических обстоятельств могло бы быть только три, и при этом они должны были случиться *одновременно* – полное уничтожение деревянного города в результате пожара, полная или массовая гибель или уход его жителей и временная пауза в существовании Берестья как населенного пункта. Ни монголо-татарское завоевание, ни европейская пандемия чумы середины XIV в. – самые реальные по своему масштабу кандидаты на трагическую паузу в жизни города – таковыми не стали. Древнерусский период жизни Берестья плавно перешел в литовский. Об этом же говорит отсутствие кладов с его территории, о чем уже упоминалось выше. Поэтому историческая *преemptивность* детинец – замок выглядит естественной и органичной.

Разумеется, каждое из этих соображений само по себе не является абсолютным, а вот их совокупность позволяет оценить вывод о локализации детинца Берестья на южном берегу Мухавца как достаточно аргументированный.

II. Топография детинца

Остров или мыс? Во всех публикациях, посвященных истории Бреста, сообщается, что Берестье возник на треугольном мысу (иногда даже уточняется, что тот был высоким), который с напольной южной стороны ограничи-

вался рвом, соединявшим Буг и Мухавец (Лысенко 1985, 386; Археология 1993, 98).

Но такой вывод не кажется очевидным. На известных планах Бреста 1657 и 1740 гг. замок города расположен на *острове* между двумя рукавами Мухавца. При этом следует отметить интересную деталь – на плане 1657 г. замок занимает около половины площади острова, а рукав реки имеет естественное русло и никак непосредственно не вовлечен в систему укреплений замка (рис. 2). Напротив, на плане 1740 г. рукав реки проходит вплотную к упомянутому укреплению с его южной стороны. Трудно судить, искусственно ли он был перемещен ближе к укреплениям, или это произошло естественным образом. О втором варианте вроде бы свидетельствует расположение рукава Мухавца в низменной болотистой пойменной зоне, заливаемой паводком, о чем под № 16 отмечено в экспликации к плану 1740 г. Такая микротопография из-за исторических колебаний водности Буга и Мухавца могла приводить к изменению конфигурации протоки. И еще – при некоей условности упомянутого масштабированного плана 1740 г. он фиксирует разную ширину рукава Мухавца на юг от замка, что было бы маловероятным при искусственном характере трассы этого рукава (рис. 3).

Существование рукава Мухавца, отрезающего остров, можно подтвердить и наличием гидронима – р. Шлеерка, до исчезновения последней в результате фортификационного строительства XIX в.

Таким образом, картографический материал XVII-XVIII вв. и сам рельеф этой части За-мухавечья не подтверждают существование мыса при впадении одного из рукавов Мухавца в Буг. Нет никаких свидетельств наличия некоего возвышения берега, *окончанием* которого якобы и являлся мыс, *отрезанный* рвом от этого возвышения. Небольшое возвышение-*останец* действительно находилось при впадении Мухавца в Буг, и располагалось оно, вероятно, на острове.

Существование островных городищ X-XI вв. хорошо известно на территории Руси. П.А. Раппопорт даже выделил их в отдельный тип. Как правило, эти городища сооружались на возвышениях (часто – донного происхож-

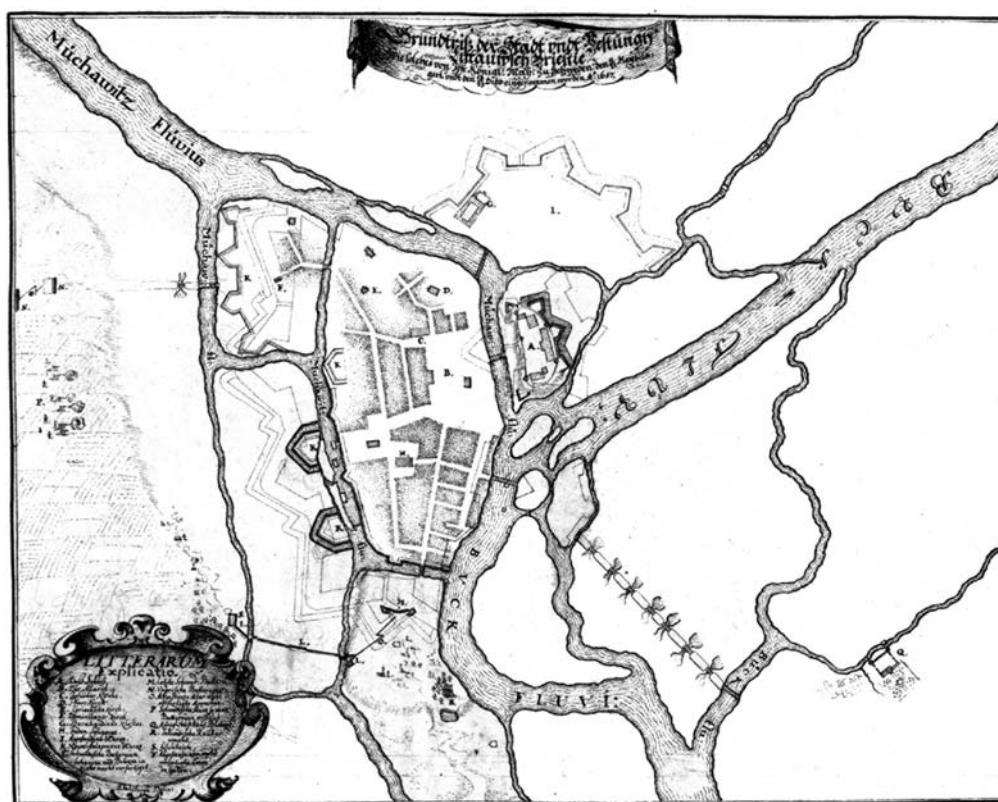

Рис. 2. План Берестя 1657 г.

дения) в широких заливных поймах рек или среди болотистых низменностей. Такие городища известны в Волынской (Ратно, Чернечгородок), Туровской (Залужье, Бесова Гора (Городец), Переров), Смоленской (Волоковая, Дербуж, Жичицы) землях. Часть из них располагалась на возвышениях высотой всего 2-3 м над окружающей местностью (Раппопорт 1967, 31-32, 74-75, 94-95). В Западной Руси концентрация островных городищ наблюдается в бассейнах Немана, Западного Буга и Припяти (Раппопорт 1967, 197, рис. 153). Известны примеры расположения древнерусских городов или их детинцев на острове (Луческ, Борисов, Кобрин) (Раппопорт 1967, 32, 67, 91; Колосок 1976, 217-221). Вероятно, и строительство древнейшего укрепления Берестя связано с небольшим песчаным возвышением на острове при впадении Мухавца в Буг, о чем говорит песчаный материк на детинце (Лысенко 1985, 38-39). Подобные песчаные дюны и останцы в поймах рек, по наблюдению О.В. Иова, вообще являются преобладающими (более 50% всех памятников) на этой территории среди мест поселений древнерусского времени (Иов 1991, 15).

Форма детинца. Утверждение, что детинец Берестя имел треугольную форму, также очень популярно в литературе. Понятно, откуда оно происходит – если укрепление занимало мыс (а мысы чаще всего имеют треугольную форму) и с двух сторон было ограничено руслами рек, а с третьей – рвом, то, естественно, оно должно было иметь треугольную форму. М.А. Ткачевым даже приводится размер позднесредневекового треугольного замчища – 234×187×234 м (Археология 1993, 100), и это при том, что уже более 150 лет на месте детинца/замка стоит *пятиугольный* бастион крепости XIX в.

На плане 1657 г. хорошо видны очертания холма, на котором расположен замок. Характерными штрихами обозначены склон холма, обращенный к Мухавцу, склон на берегу Буга и его (склона) продолжение при впадении рукава Мухавца в Буг (юго-западная часть замка), а также окончание холма в северо-восточной части замка. Укреплениями (3 бастиона), очевидно, первой половины – середины XVII в., была нарушена естественная конфигурация холма с южной и юго-восточной сторон,

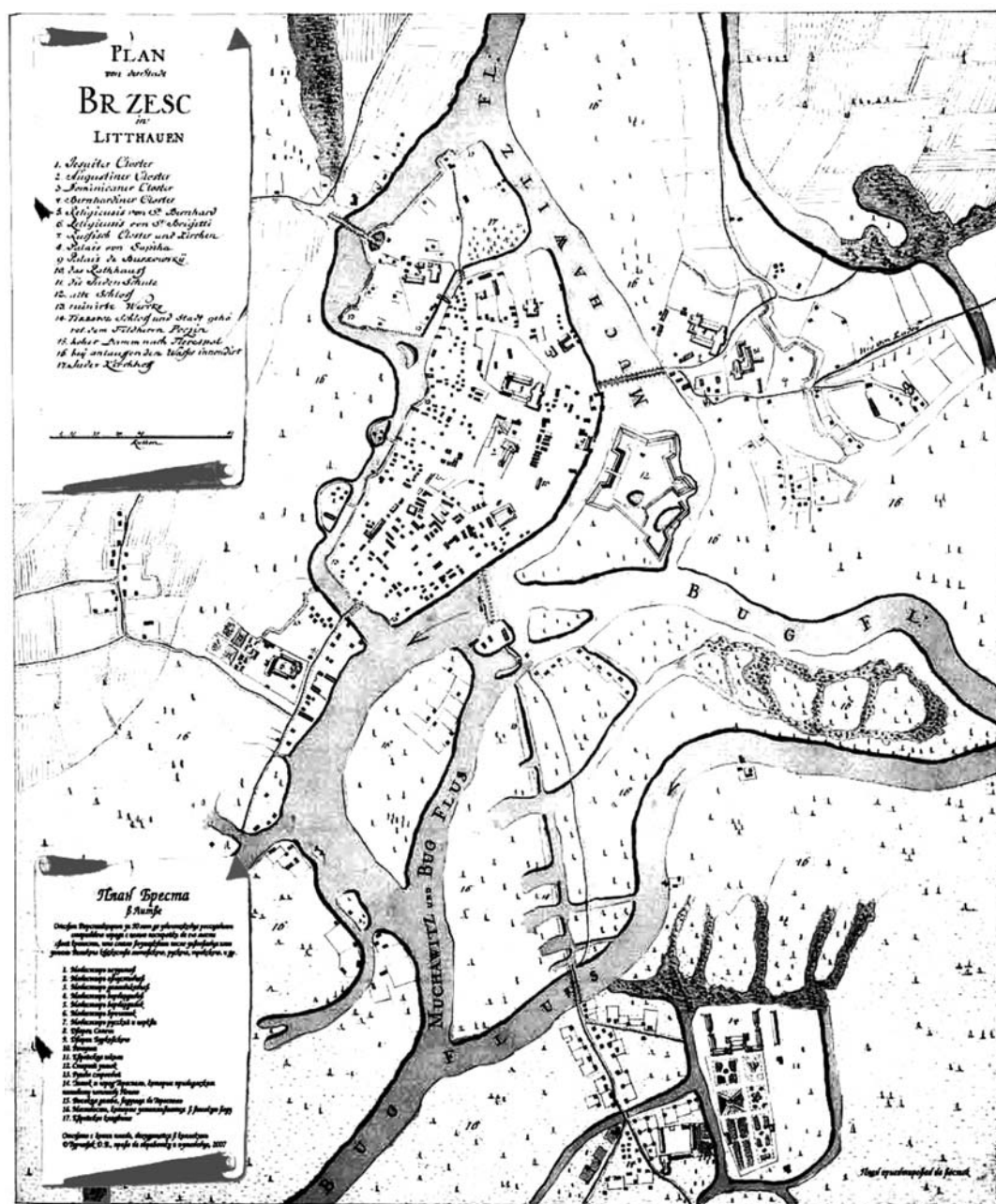

Рис. 3. План Берестя 1740 г.

но линия укреплений замка, проходящая по верхней кромке холма, в целом показывает форму последнего до сооружения бастионов (рис. 4/1).

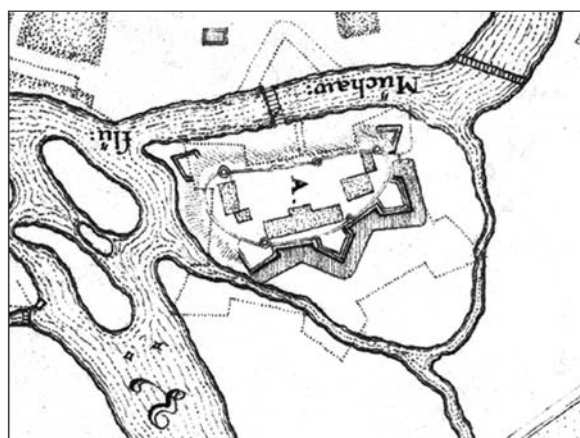
План Брестского замка 1657 г. помогает отметить еще две детали. На нем обозначены 5 башен, которые своим расположением соответствуют известному инвентарю-описанию замка 1566 г. (Документы 1897, 444), и это, в свою очередь, позволяет констатировать принципиальную неизменность контура ли-

ний укреплений, формы и размера замка в период 1566-1657 гг. И еще – северная часть замкового холма отстояла на некотором расстоянии от берега Мухавца, что даже позволило соорудить у основания замка с его северо-западной и северо-восточной сторон небольшие дополнительные бастионы. Это свидетельствует о том, что в XVI-XVIII вв. береговая линия Мухавца в этом месте была стабильной и не угрожала размывом замковому холму.

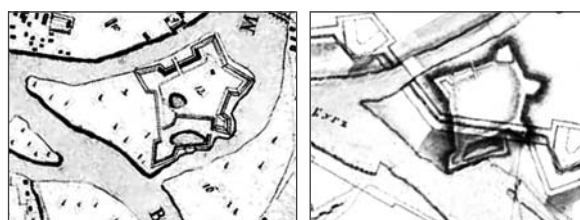
Приведенные наблюдения позволяют сделать вывод о том, что в XVI в. форма замка соответствовала естественной форме холма под ним. Последний, по плану 1657 г., имел *удлинено-овальную* форму, одна (северная) сторона была, не исключено, спрямлена рукавом Мухавца в древности, возможно, еще до основания Берестья. Именно на такую форму первоначального возвышения на месте детинца, по моему мнению, указывает и раскоп П.Ф. Лысенко 1969 г., заложенный *вне* западной стороны бастиона XIX в. В площадь раскопа на уровне материка попал естественный склон небольшого первоначального возвышения (зафиксированный перепад высоты – 1,45 м), проходящий по линии *северо-запад – юго-восток* (Лысенко 1985, 166, рис. 8/13). Незначительное, но все же падение материка к западу было зафиксировано в стратиграфии северной стенки раскопа 1975-1974-1976 гг., расположенного в средней части детинца (Лысенко 1985, рис. 8/2). Это позволяет предположить, что наиболее высокая часть возвышения, на котором позднее стоял детинец, находилась в его восточной части, и она составляла не менее двух метров над уровнем поймы.

Размер, площадь детинца. В соответствии с формой детинца исследователи определяли и приблизительную его площадь. П.Ф. Лысенко предположил, что детинец треугольной формы имел площадь около 1 га (Лысенко 1985, 36). По М.А. Ткачеву, который ориентировался на треугольное, по его мнению, замчище (234×187×234 м) позднесредневекового Берестья, эта площадь составляла чуть более 2 га (Археология 1993, 100).

Размеры и площадь детинца можно установить только приблизительно, поскольку возвышение на этом месте в XVII-XIX вв. в результате фортификационного строительства как минимум трижды меняло свои очертания. На плане 1657 г. показан естественный контур замкового холма, по которому примерное соотношение длины холма к его ширине составляет около 2,5:1. На этом плане пунктиром показан проект пятиугольного укрепления (с бастионами по углам) на месте замка. Этот проект, существенно изменивший форму древнего возвышения, был реализован, что и подтверждает план 1740 г. (рис. 4/2). На плане 1807 г. присутствует тот же пятиугольник

1

2

3

Рис. 4. Замок Берестья на плане 1657 г. (1). Укрепление на месте замка на планах 1740 г. (2) и 1807 г. (3).

укрепления, которое к тому времени, судя по этому плану, уже было в запущенном состоянии (рис. 4/3). На его месте при строительстве Брестской крепости был построен новый пятиугольный бастион, отличающийся по форме и размерам от своего предшественника. При этом был вновь изменен контур возвышения. По масштабу плана 1807 г. длина укрепления XVII-XVIII вв. (без выступающих бастионов по углам) вдоль Мухавца составляла около 50 сажень или 110 м. Напрямую воспользоваться этим размером не позволяет то обстоятельство, что, очевидно, при строительстве укреплений в XVII-XVIII вв. часть холма (его западный и восточный выступы) была срезана. Об этом косвенно свидетельствует обнаруженный в раскопе 1969 г. естественный край первоначального возвышения вне укрепления XIX в., о чем уже шла речь выше.

Общий размер раскопа П.Ф. Лысенко в средней части детинца по линии север – юг достигал 54 м, и это говорит о том, что минимальная ширина возвышения детинца была около 70-80 м. Учитывая все это, общий размер детинца предположительно составлял 140×80

м, а его площадь – около 1 га. Именно такую площадь детинца впервые озвучил П.Ф. Лысенко.

Формирование замкового холма завершилось, в основном, к XV в., и известные нам по письменным и картографическим источникам XVI-XVII вв. сведения о форме и размерах замка, вероятно, можно ретроспективно отнести к более раннему времени.

III. Застройка, планировка детинца

Были ли на детинце усадьбы? Неожиданно высокая плотность застройки детинца Берестья, резко контрастирующая с расплывчатыми к началу 80-х гг. XX в. усадьбами в других городах (Новгород, Киев), привела П.Ф. Лысенко к заключению, что на детинце отсутствовала усадебная планировка. Исследователь констатировал, что «при столь высокой плотности застройки не могла сложиться усадебная система застройки с приусадебным участком и комплексом хозяйственных построек при одном жилище и за одной оградой» (Лысенко 1985, 176).

В качестве синонимов использовал термины «усадьба» и «двор» известный советский исследователь А.В. Куза, акцентируя внимание на том, что «дворово-усадебная застройка» является «в числе важнейших археологических признаков города» (Куза 1989, 51, 134-139). Указав на то, что при раскопках детинца в Изборске «дворовые участки не прослеживаются», он напомнил, что «аналогичная картина обнаружена и в Бресте (Берестий)» (Куза 1989, 57). Поскольку в этих городах при исследовании широкими площадями были открыты «улицы с тесно поставленными вдоль срубными жилищами без примыкавших к ним дворов» (Куза 1989, 138), А.В. Куза пришел к выводу, что Изборск, Берестий, Браслав были городами-крепостями, а их жители – постоянными гарнизонами, обязанностью которых являлось несение повседневной военной службы. По этой же причине у жителей в пределах крепости не было «относительно значительного хозяйства» (Куза 1989, 138). Как видим, характер застройки Берестья послужил А.В. Кузе основанием для отнесения этого города к городам-крепостям – одному из четырех выделенных им типов древнерусских городов. Чтобы разобраться в рассматри-

ваемой проблеме, обратимся непосредственно к археологическому материалу.

Если усадьбы (дворы) на детинце Берестья существовали, они, очевидно, должны были оставить после себя следы. Для их поиска проанализируем число выявленных жилищ и хозяйственных построек, их количественное и пространственное соотношение, наличие и типы оград, их взаиморасположение с постройками и уличными настилами.

Жилища. По подсчетам П.Ф. Лысенко, на детинце Берестья обнаружено 224 постройки, из которых 71 жилая, 29 хозяйственных и 7 для содержания скота (Лысенко 1985, 176). Таким образом, получается приблизительно поровну количество определенных и не определенных по назначению построек, около трети жилищ из общего числа построек и двукратное преобладание жилищ над прочими функциональными типами построек. Насколько эти цифры отображают реальную картину застройки детинца?

Всего на месте раскопок 70-х гг. (где сейчас археологический музей «Берестье») найдено 207 построек, из которых 71 была с печью или ее следом, а еще 47 было отнесено П.Ф. Лысенко к жилищам предположительно (Лысенко 1985, табл. 11-23). В раскопе 1969 г. таких построек было 17, 1 и 9 соответственно. Таким образом, получается 224 постройки, 72 жилища и 56 предполагаемых жилищ. П.Ф. Лысенко с оговорками отнес последние постройки к жилым, основываясь на характере срубов, заполнении, находках, функциональности объектов под и над ними. Действительно, довольно часто на детинце на месте старых жилищ появлялись новые, одни хозяйственные постройки замещались другими, а планировка дворов оставалась стабильной. Но известны и обратные примеры: в IV строительном периоде (далее – сп) на месте постр. 55 (хлева) появилась постр. 52 (жилище), постр. 56 (жилище) была замещена постр. 95 (клеть) (Лысенко 1985, 76); часть построек V яруса не перекрыта постройками VI яруса (Лысенко 1985, 88), и в том же VI ярусе происходит изменение планировки, связанное со сменой построек с полным изменением их местоположения (Лысенко 1985, 100); в VII сп одна и та же постр. 106Б вначале была хозяйственной, а потом стала жилой (Лысенко 1985, 109-110).

Таких примеров не много, но они есть. Очевидно, именно наличие печи или ее остатков является наиболее надежным признаком определения функциональности построек. Не исключено, что жилищ могло быть и меньше, ведь часть печей могла находиться в нежилых постройках и обслуживать ремесленников в зимний период, будучи источником тепла и света.

Сделанные П.Ф. Лысенко наблюдения относительно расположения входов в жилища показывают, что дома стояли глухими стенками к улице, а их двери находились в стенках, перпендикулярных улицам, или даже выходили в противоположную от улицы сторону. И только в домах, расположенных в глубине застройки, иногда двери выходили в сторону улицы (Лысенко 1985, 176). Очевидно, что двери домов выходили к свободному пространству между постройками и к нежилым постройкам, и все это образовывало дворы.

Хозяйственные постройки. Как уже упоминалось, П.Ф. Лысенко атрибутировал назначение 36 нежилых построек, 29 из которых отнес к хозяйственным (клети), а 7 – к помещениям для содержания скота (хлева). Понятно, что и раскопанную сотню других *нежилых* построек нужно отнести к хозяйственным разного назначения.

По остеологическим находкам, в мясном рационе жителей Берестья преобладал домашний скот (почти 75%), из которого крупный рогатый скот составлял без малого 40%, а свиньи и мелкий рогатый скот (козы, овцы) – по 20% (Лысенко 1985, 362-364). Очевидно, что какая-то часть этого стада выращивалась в дворовых хозяйствах детинца. Об этом свидетельствуют прослеженные в разных периодах постройки, заполненные слоем навоза, а также следы навоза во дворах возле построек (Лысенко 1985, 64, 68, 72, 73, 77, 85, 87, 94, 95, 105, 108, 109-110, 116, 121, 123, 125, 126, 143, 146, 147, 150). Внутри дворов фиксировались отдельные участки, огражденные плетнем, которые П.Ф. Лысенко справедливо связал с содержанием скота (Лысенко, 1985 98, 116, 129). Только один из подобных участков, возле построек 59А, 62, он отнес к усадьбам (Лысенко 1985, 100, рис. 57; Лысенко 1999, 102-103), несмотря на то, что и участки оград, и настилы возле построек исследователь называет дво-

ровыми (Лысенко 1985, 85, 96; Лысенко 1999, 103).

Ограды. Следы разных по конструкции оград были зафиксированы в нескольких строительных периодах, выделенных автором раскопок при исследовании застройки детинца Берестья. В V сп (начало XIII в.) с северной стороны северной улицы (северо-восточный угол раскопа) появился частокол, который проходил вдоль улицы на много метров, выходя с обеих сторон за пределы раскопа. Судя по его основательности и функционированию продолжительное время (его наличие зафиксировано также в VI и VII сп) (Лысенко 1985, 78, 100, 113-114), он ограждал не рядовую усадьбу. На противоположной стороне упомянутой улицы в это же время функционировала ограда из тонких (10 см) бревен (прослежена на длину 4 м), восточнее которой проходил плетень, от которого сохранились колья и часть прутьев (Лысенко 1985, 78, 79). Эти находки свидетельствуют о том, что на одном участке улицы одновременно существовало три разных типа ограды, и это показывает, что *соседние* усадьбы имели конструктивно разные ограды, выходящие на улицу.

К этому же периоду относится находка плетня длиной до 7 м, который образовывал прямой угол к юго-западу от постройки 53 (Лысенко 1985, 82) и, возможно, фиксировал задний (дальний) от улицы угол усадьбы.

В VI сп (вторая четверть XIII в.) также обнаружены ограды дворов вдоль северной и южной улиц (Лысенко 1985, 85, 89, 96, рис. 43 вкл.). Следы оград как вдоль улиц, так и между дворами зафиксированы и в VII, IX, X сп (Лысенко 1985, 114, 123, 134, 148, 149, рис. 93 вкл.). Как видно из планов разных сп, при высокой плотности застройки оградами дворов служили также тыльные и боковые стенки жилых и хозяйственных срубов, что делало излишней необходимость сооружения ограды по всему периметру дворов.

Таким образом, на детинце Берестья были найдены все элементы, связываемые П.Ф. Лысенко с усадьбами – жилища с выходами во внутреннюю часть двора, хозяйственные постройки (в среднем по две на одно жилище), усадебные ограды. На детинце существовали усадьбы-дворы, но по площади они в несколь-

ко раз были меньше, чем на других памятниках.

Планировка застройки детинца. По результатам раскопок П.Ф. Лысенко предположил, что 3 улицы, идущие с востока на запад, в восточной части детинца должны соединиться в площадь или магистральную улицу, объединяющую все остальные по направлению к городским воротам (Лысенко 1985, 174-175). Автор монографии констатировал, что планировка детинца была рядовой, поскольку на исследованной площади шириной до 40 м не было зафиксировано перпендикулярных улиц, а это противоречит квартальной застройке (Лысенко 1985, 175). Рядовая застройка, по его мнению, проявилась в расположении жилищ рядами – вдоль улиц, а также двойными рядами в глубине застройки между улицами.

Проведенный раньше анализ, как кажется, позволяет иначе взглянуть на эту проблему. Археологический материал, по моему мнению, говорит о существовании дворовой застройки детинца. Часть жилищ располагалась вдоль улиц, занимая ближние углы дворов, часть находилась возле дальних углов, примыкая к постройкам соседних усадеб, выходящих на другую сторону к параллельной улице. Ширина раскопанного участка в средней части детинца составляет менее трети предполагаемой протяженности детинца по линии запад – восток, так что наличие нескольких перпендикулярных улиц и связанной с этим квартальной планировки вполне вероятно.

Следует также обратить внимание на то, что в конце XII в. на детинце произошло серьезное изменение планировки застройки, выразившееся в появлении новой улицы (дендродата 1190-1192 гг. – Лысенко 1985, 82) на месте городской застройки. Возможно, это было связано с возведением новых укреплений детинца.

Въезд на детинец. По реконструкции П.Ф. Лысенко, въезд на детинец находился в его восточной напольной части. Здесь же, по мнению исследователя, должна была располагаться башня («столп»), которая прикрывала бы «прямым или фланговым „боем” въезд в город» (Лысенко 1985, 57, 174, 386). Другими

словами, ворота из детинца выходили на восток, на Замухавечье.

Такая локализация городских ворот построена на убеждении, что детинец занимал мыс, и тогда въезд на него и должен был находиться с напольной стороны. Но если детинец находился на острове, а возвышение имело не треугольную, а вытянуто-овальную форму, то въезд совсем не обязательно был в указанном месте. Кроме того, есть еще более важное обстоятельство – по старой схеме, чтобы попасть из детинца в окольный город, нужно было по мосту через ров с водой *выехать из города*, добраться по болотистой низине, затопляемой паводками и поэтому нуждающейся в искусственной насыпи-гребле, к мосту через Мухавец и по нему (мосту) въехать на остров, на котором размещался окольный город. Не правда ли, слишком длинный и неудобный путь?

Как представляется, детинец *напрямую* соединялся мостом с окольным городом, как и замок в XVI в. Поскольку в раскопанной средней части детинца отсутствовала улица, пересекающая его с севера на юг и разделяющая укрепления на две половины, можно предположить, что ворота, выходящие на север к мосту через Мухавец и окольному городу, располагались в северо-восточной части укрепления. Где-то здесь, в наиболее высокой части детинца, вероятно, находился и каменный «столп». Его непосредственная связь с защитой самих ворот представляется несколько преувеличенной. В Черторыйске на Волыни, в котором башня была заложена в 1291 г., она располагалась в 40 м от въезда на городище и, судя по плану последнего, защита ворот не являлась первостепенной функцией этого «столпа» (Раппопорт 1967, 147, рис. 142). Как отметил П.А. Раппопорт, башни, подобные черторыйской, ставили близ напольной стороны крепости для усиления оборонительного потенциала последней (Раппопорт 1967, 164, 203). Помимо этого, исследователь подчеркнул связь башни-донжона с жилищем феодала (Раппопорт 1967, 204-205). В связи с этим не исключено, что берестейская башня была сооружена на территории княжеского двора, существование которого можно предположить на основании анализа истории города XII-XIII вв.

* * *

В 2019 г. Брест и вся Беларусь будут отмечать тысячелетний юбилей первого упоминания города в летописи. Раскопки П.Ф. Лысенко показали, насколько мощный информационный потенциал изучения истории Берестья сохра-

нился на месте детинца города. Вместе с тем раскопки окольного города на Центральном острове, поиск и исследование пригородов, могильников крупного летописного центра еще впереди, как и археологическое изучение Берестья – одного из крупнейших городов ВКЛ.

Библиография

- Археологія 1993:** Археологія та нумізматыка Беларусі. Энцыклапедыя (Мінск 1993).
Археологія 2009: Археологія Беларусі, т. 1 (Мінск 2009).
Грушевський 1905: М. Грушевський, Історія України-Руси, т. II (Львів 1905).
Документы 1897: Документы Московского архива министерства юстиции, т. I (Москва 1897).
Звіздецький 2008: Б.А. Звіздецький, Археологічні дослідження в північно-східних районах Житомирського Полісся (матеріали та дослідження до археологічної карти області: Коростенський, Овруцький та Народницький райони) (Коростень 2008).
Иов 1991: О.В. Иов, Сельские поселения IX-XIII вв. в западной части Белорусского Полесья. Автореферат дис. ... канд. ист. наук (Минск 1991).
Ипатьевская 2001: Ипатьевская летопись. В: Полное собрание русских летописей, т. 2 (Москва 2001).
Карабушкіна 1999: Г.М. Карабушкіна, Насельніцтва Беларускага Пабужжа X-XIII ст ст. (Мінск 1999).
Кирилович 1982: С.Р. Кирилович, Детинец Киева IX - первой половины XIII веков. По материалам археологических исследований (Киев 1982).
Колосок 1976: Б.В. Колосок, Луцькі Верхній та Окольний замки. В сб.: (Відп. ред. Довженко В.І.) Дослідження з слов'яно-руської археології (Київ 1976), 217-228.
Куза 1989: А.В. Куза, Малые города Древней Руси (Москва 1989).
Лысенко 1985: П.Ф. Лысенко, Берестье (Минск 1985).
Лысенко 1999: П.Ф. Лысенко, Туровская земля IX-XIII вв. (Минск 1999).
Раппопорт 1967: П.А. Раппопорт, Военное зодчество западнорусских земель X-XIV вв. МИА №140, 1967.
Толочко 1989: П.П. Толочко, Древнерусский феодальный город (Киев 1989).
Шекун, Веремейчик 1988: А.В. Шекун, Е.М. Веремейчик, Селища IX-XIV вв. в междуречье низовий Десны и Днепра. В сб.: Чернигов и его округа в IX-XIII вв. (Киев 1988), 93-110.

Probleme controversate ale topografiei istorice a citadelei Berestye

Rezumat

În articol sunt analizate problemele controversate ale topografiei istorice a fortificației Berestye (Brest), care în sec. XI-XIII a fost unul dintre cele mai importante centre ale Rusiei de Vest. Locul amplasării citadelei, topografia ei (forma, dimensiunile, suprafața), ocuparea spațiului și planimetria ei, în pofida multiplelor cercetări arheologice, rămân a fi discutabile.

Pe baza materialelor arheologice și topografice publicate autorul propune o viziune a sa pentru rezolvarea acestor controversate probleme.

Lista ilustrațiilor:

Fig. 1. Citadela Berestye (reconstituire de P. Lysenko).

Fig. 2. Planul citadelei Berestye. Anul 1657.

Fig. 3. Planul citadelei Berestye. Anul 1740.

Fig. 4. Citadela Berestye pe un plan din anul 1657 (1). Fortificația amplasată pe locul citadelei pe planurile din 1740 (2) și 1807 (3).

Contentious issues in the historical topography of the Old Russian city of Berestye

Abstract

The paper is devoted to the discussion of controversial issues in the study of the historical topography of Berestye (Brest). This city was one of the largest in western Rus' of the 11th -13th centuries.

The problems of shape, sizes and area of the castle and courtyard buildings are still under discussion, despite of the large area of archaeological excavation. Some questions of the castle location are reviewed on the ground of such sources as archaeological and map materials.

List of illustrations:

Fig. 1. Castle of Berestye (reconstructed by P. Lysenko)

Fig. 2. Map of Berestye drawn in 1657.

Fig. 3. Map of Berestye drawn in 1740.

Fig. 4. Castle of Berestye on a map of 1657 (1). Fortifications at the site of the castle on a map of 1740 (2) and on a map of 1807 (3).

06.07.2015

Виталий Козюба, Институт археологии НАН Украины, ул. Владимирская, 3, Киев – 01, Украина, e-mail: kozubavk@gmail.com